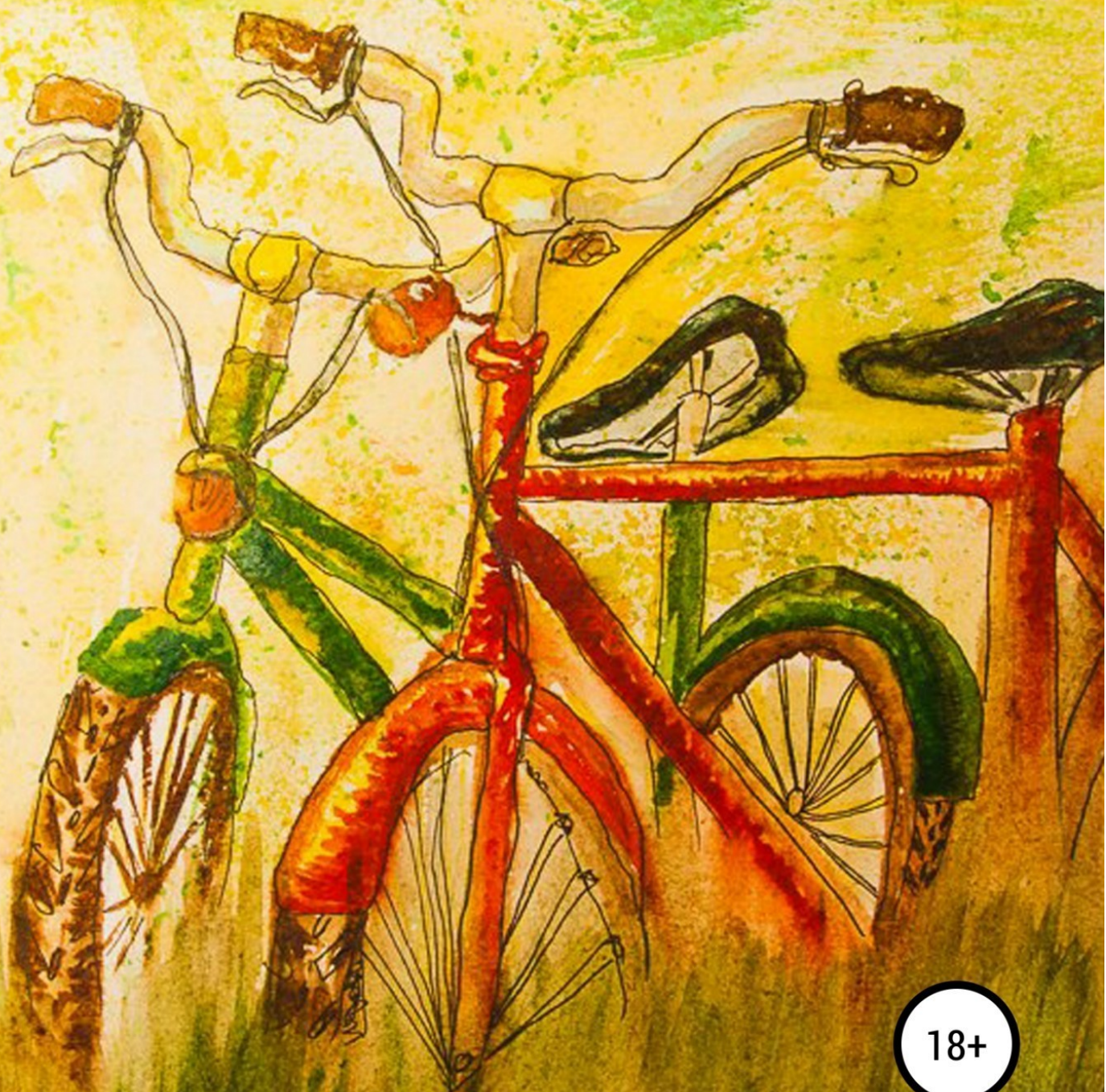


Иванова Э.В.

Первые шаги

Рассказы



18+

Эльвира Иванова

Первые шаги. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванова Э. В.

Первые шаги. Сборник рассказов / Э. В. Иванова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1735-8

Рассказы, посвященные детству главной героини - девочки по имени Желька. Некоторые события, влияющие на дальнейшую жизнь и становление ребёнка, описываются в рассказах. Не всегда радостное и безоблачное детство заставляет взрослеть раньше и задумываться о серьёзных вещах и смысле жизни. Отправьтесь в путешествие вместе с Желькой и познакомьтесь с яркими моментами её детства. В оформлении книги использованы рисунки Ольги Щербаковой.

ISBN 978-5-5321-1735-8

© Иванова Э. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Оно	5
Сить	16
Трагедия	19
Ингус	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Оно

То, что гнетет с детства, и надо выкладывать на бумагу,
Чтобы мысли обретали слова и место в этом бренном мире
или, хотя бы в блокноте.

Оно стояло в липкой пыли, одетое в короткие серые штанишки и светлую маечку, босиком, пропуская пыль между пальцев ног, шмыгая носом и почесывая мизинцем мокрые волосы под черной косичкой.

«Почему ОНО?» – спросите вы.

Было в этой голенастой загорелой девчонке много мальчишеского – повадки Маугли, ловкость, смелость, стремительность, нелюбовь к девчачьим играм в куклы, дочки-матери. Сущность где-то внутри боролась и делилась на Инь и Янь. Кто победит, пока было неизвестно, ибо «неисповедимы пути Господни» и человеческий мозг, как и все остальное, до конца не исследован.



И это было еще не ОНО, а только преддверие Его, ибо было на вид ему лет 7-8, и носилось Оно возле пруда, где плескалась летом вся деревенская детвора. Оно измазало белые трусы о глинистое дно пруда и боялось идти домой – бабушка очень сердилась всегда, стирая и штопая одежду. В общем и целом, это была маленькая угловатая, довольно симпатичная темненькая девочка с карими, похожими на арахис в шоколаде, глазами. Этим глазам и доставалось всегда в общественной бане, куда они ходили каждую субботу с бабушкой.

«Не иначе как цыгане тебя принесли, такие черные надо только с мылом отмывать,» – талдычили деревенские кумушки, моющиеся по соседству.

«Отмывай лучше, три чище!» – добавляли они.

«Бабушка, ну чего они?!» – обиженно выводило ОНО.

«Не слушай их, все меняется: и цвет, и возраст, и люди,» – отвечала мудрая женщина.

Желька (так звали девочку) еще раз посмотрела на далекие от берега желтые кувшинки и пошлепала домой получать нагоняй за испорченные трусы и неявку к обеду.

«Где только носило тебя целый день, не обедала, я уже и прут сломала, чтобы на поиски идти,» – ругалась бабушка.

«Ела у Таньки в обед и купалась на пруду с ней вместе!» – отвечала девчонка. Хотя сама бегала в соседнюю деревню Савёлово и заигралась там с одноклассницей Ленкой. Бабушка убила бы ее, наверное, если бы узнала, что она находилась за несколько километров от дома. Там тоже был такой же пруд, манящий летом к себе всю детвору. Чаще всего они плескались в пруду вместе с мальчишками. Пацаны и звали ее с собой то в парк при больнице, то к клубу играть. В заросшем парке они выбирали стройные деревца ольхи или рябины, забирались к верхушке и спускались на ней вниз плавно, как с парашютом. Ничего, что иногда деревце ломалось, и Желька падала вниз в кусты, набивая себе синяки и шишки. Зато дух захватывало! Смелость города берет!



Строили шалаши, из которых молча наблюдали в воображаемый бинокль за врагом и по взмаху командира пускались громить врагов – заросли крапивы и чертополоха, вырезали из веток ружья и рогатки, устраивали битвы между «красными» и «белыми». В то далекое время Красная Армия еще была популярна. Вечерами детвора подтягивалась к клубу, где дотемна можно было гонять в казаки-разбойники, лапту и прятки. Летом много игр и развлечений к счастью и радости детской.

В первом классе Жельке купили велосипед «Орленок», синий, блестящий, при одном взгляде на который у девочки захватывало дух.



«Учись ездить!» – сказала бабушка, помогая ей забраться на велик и тихонько подталкивая его за сиденье сзади. Беда коленкам, которые к вечеру превращались в живописную картину из ссадин и ран, замазанных зеленкой и йодом и покрытых темной корочкой из засохшей крови.

Желька за руль подвозила велик к кочке, вставала на нее, запрыгивала в седло и ехала пока хватало умения и ловкости, присущих эквилибристу. Но, как ни осторожничай, к вечеру ноги покрывались ссадинами и синяками.

«Пойду-ка я с великом в сторону клуба, там, вокруг него, протоптанная широкая тропинка, с кочками по бокам, на них удобно вставать, чтобы оседлать железного коня, – подумала Желька, – возможно там увижу Лёшку Семёнчика».

Лёшка Семёнчик-заводила и вожак ребячьей стаи, приходился племянником Валентине Владимировне, завучу сельской школы, и был старше Жельки на целых три года. Он покорило сердце маленькой девчонки своим благородством, справедливостью и честностью, присущих, из всех знакомых ей ребят, только ему, уважением к старшим и младшим товарищам, взрослым и родителям, готовностью прийти на помощь. Это был довольно высокий подросток со светлорусыми густыми волосами, прямолинейным взглядом, серыми глазами, красиво изогнутыми губами, всегда чисто и опрятно одетый.

Не так давно у него появилась маленькая сестренка Наташа, и мальчик часто оставался с ней в няньках. Не интересно было компании без него, поэтому парнишку ждали и хотели видеть.

«Желя, Желя, домой!» – кричит издалека бабушка.

«Эх, не получится сегодня к клубу» – думает Желька и тащит велосипед за рога домой.

«Ешь драчёну и беги за молоком к тете Тоне,» – посылает бабушка.

У тети Тони маленькая дочка Танька, с которой иногда играла Желька и еще, с Танькой Арсеньевой. Та была старше на целых три года и имела честь учиться с Лёшкой Семёнчиком в одном классе. Мама у Танек работала на ферме доярками, так что у Жельки всегда могла поучиться доить коров. На ферму они бегали часто и помогали там иногда то навоз чистить, то сено таскать в кормушки.

Так как узнавать новое и неизученное нравилось Жельке, она с удовольствием бралась за интересные дела или эксперименты. Как научиться добывать молоко из недр коровы ей тоже хотелось знать. Старшая Танька постоянно была занята, мать не давала ей особо отдыхать, расслаблялась девочка только в праздники, когда родители ее напивались в лоскуты, и им было не до Таньки. Если доводилось играть вместе двум Танькам и Жельке, то они обязательно ссорились в пух и прах так, что Таньки потом дружили только между собой. В общем, Желька не была забиякой, а вполне даже дружелюбной девочкой считалась. Только подружки умели дружить по двое, а третий всегда был лишний. Что оставалось делать Жельке? Вот друзья-мальчишки никогда не отталкивали её от себя, всегда бегали, играли с ней, иногда только дергали за косичку.

Одноклассник Лёнька, слегка заикающийся, был дружелюбен и готов идти за Желькой и в огонь, и в воду. Мать его работала на почте уборщицей и иногда поколачивала его.

Славка Сизов, с красивыми, длинными, загибающимися вверх ресницами и бездонными синими глазами, балагур и весельчак, способный смехом и шуточками мертвого поднять из могилы. Казалось, что он никогда не унывает и шутки с прибаутками вылупляются из него как чудесные бабочки из кокона личинки. В играх Славик был неотразим, как Сашка Кондратьев – отличник в учёбе и положительный герой.

И, наконец, Вовка Жогин, редко к ним присоединяющийся, домосед, сын математика, рассудительный и немного замкнутый. С ним и Желькой через пару лет произошла одна стыдная история, после которой их пути – дороги разошлись. Гуляли как-то Желька с Вовкой по деревне, и пришло им в голову (сейчас уже и не вспомнить кому первому), довольно свежая мысль – попробовать покурить. У магазина насобирали смачных, почти целых, окурков. Спички взять из дома не проблема. Решили идти на стройку, там легко спрятаться под вечер. Затянувшись прикуренной сигаретой, Желька почувствовала головокружение и легкое помутнение в голове. Необычные ощущения и страх быть пойманными заставили ребят выбросить окурки и разойтись по домам. В первый и в последний раз в жизни девочки бабушка стегала её дома полотенцем по заднице, почуяв запах табака.

С Вовкой обошлись гораздо круче – его посадили под домашний арест надолго и запретили дружить с плохой девочкой Желькой. Не то чтобы Жельке было хоть бы хны, но где – то щемило в душе, что Вовку не пускают с ней гулять.

Лето – упоительная пора! Можно бегать босиком, мелькая в пыли загорелыми ногами и руками, валяться в душистой траве и любоваться наклонившимися книзу ромашками и колокольчиками, сосать сладкую кашку клевера и, запрокидывая голову к слепящему солнцу, наслаждаться горячим воздухом и высоким полетом стремительных ласточек.

«Осподи! До чего же хорошо!» – думает Желька.

Да, если бы еще не дыра на шортах, порванных о забор, когда перелезала в больничный парк, чтобы посмотреть маленькое гнездышко с пестрыми крошечными птичьими яйцами и пошвистеть от души. Дома-то это не позволялось. С раннего утра бабушка ушла в лес за гри-

бами и принесет оттуда, наверняка, огромных белых и подосиновиков – оковалков, да ещё захватит с собой подарок от лисы или зайчика – хлебушек с солью и растительным маслом, а может и карамельку. Желька уже повзрослела и давно понимала, что все эти подарки из леса бабушка берет с собой на перекус и оставшуюся еду потом приносит ей. Но так хотелось верить в сказки, которые раньше читали ей перед сном, а теперь Желька сама давно читает уже и «Тома Сойера», и «Робинзона Крузо», и «Серебряные коньки».



Как много интересного и загадочного происходит в этих книжках, неизведанного! Взять книги того же Жюль Верна или Беляева, так их можно, не отрываясь, читать сутками. Фантастические истории завораживали Жельку, и она в своих мечтах сражалась с пиратами на кораблях, находила клады в пещерах, кричала – «Пиастры! Пиастры!» вместе с попугаем Стивенсона, побеждала огромных одноглазых циклопов-великанов, опускалась на дно океана с Русалочкой Андерсена, спасая прекрасного юношу, и выручала из плена разбойников принцессу.

И не все так быстро, как в сказке сказывается, на самом деле делается. Только деньки летние скоро летят, остальное – учебное время, растягивается до невозможности.

В один из таких дней бабушка отправила Жельку в поселок погостить к маме. Желька давно жила с бабушкой-учительницей, а до недавнего времени была еще прабабушка Дуня,

слепая и старенькая, но она умерла по осени, когда Желька ходила в 1 класс. Мама иногда навещала их с бабушкой, пройдя несколько километров от поселка, где она жила и работала в госбанке, пешком. Это были редкие встречи, которых Желька ждала с нетерпением.



Мама приносила в дом запах молодости, парфюмерии и какой-то другой недеревенской жизни. Подарки от мамы Желька получала нечасто, зато с удовольствием рассматривала короткие кримпленовые мамины юбки, покрашенные ярким лаком ногти, темные ресницы, покрытые густым слоем пушистой туши, острые стрелочки, подведенные карандашом на веках. Мама надевала очки и садилась читать, пользы от нее не было никакой, но присутствием своим она создавала целостность всей их небольшой женской семьи. Желька всегда чувствовала напряжение между мамой и бабушкой, как будто последняя была недовольна поведением матери, ее незащищенностью или безответственностью.

Каждый раз, когда мама уезжала на работу, Желька вздыхала с облегчением, но все равно потом ждала ее приезда. Мать с отцом развелись не так давно и наверняка она с кем – то встречалась и жила своей, довольно закрытой от Жельки жизнью. Перед сном Жельке поручалось чесать маме спинку, что она с удовольствием делала. Сухо чмокнув дочь в щеку, мама уходила рано утром в понедельник, чтобы доехать на молочной машине до районного центра.

Жельку отправили к ней на несколько дней, чтобы разнообразить ее досуг, летние каникулы, увидеться с родственниками и получить все возможные удовольствия городской жизни.

В поселке проживала семья бабушкиного брата в двух отдельных домах. Дядя Сережа – старший брат бабушки, с женой тетей Клавой, и их сын Алексей, с женой и сыном. Утром мать собиралась на работу, красилась, кормила дочь глазуньей и строго-настрого запрещала уходить далеко от дома. Не найдя у мамы в комнате детских книжек, Желька решила поговорить вечером о том, чтобы ее записали в детскую поселковую библиотеку и отправилась гулять возле дома. Обойдя деревянный, двухэтажный дом со всех сторон, она так никого и не встретила. Поколебавшись немного, Желька отправилась в большой парк за домом.

В траве, среди берез, девочка увидела большущий оранжевый подосиновик и осторожно выкрутила его из земли.

«Мама сварит суп!» – подумалось ей.

Желька понеслась с добычей домой, нюхая гриб по дороге и прикасаясь легонько губами к яркой шляпке.

Сбегала она и в центр поселка, побродила по книжному магазину и зашла в свой любимый, с музыкальными инструментами. Сколько раз она просила бабушку, чтобы та купила ей маленькую скрипочку, на которой Желька обязательно научилась бы играть. Но музыкальной школы в деревне не было, и ее мечтам не суждено было сбыться.

«Вот вырасту большая и куплю себе скрипочку сама», – думала расстроенная Желька. Игрушечное пианино, что купили ей как – то, уже не устраивало ее повзрослевшую сущность.

Вечером мать явилась не одна, а привела с собой красивую женственно-мягкую подругу Римму. Комната, где проживала мама, была от работы и служила общежитием. Собрали простой ужин и сделали отвар из сосновых почек, который вылечивал мудреные заболевания. Голос Риммы нежно звенел в тишине комнаты, только был слышен звук посуды, которой грела на кухне мать.



Ах, Римма! Она сразу покорила Желькино сердце своей мягкостью и добротой. Ее волшебные руки так и порхали плавно в воздухе, когда она что-то рассказывала или объясняла. Пухлые девичьи губы так и складывались в улыбку, а в глазах появлялись маленькие искорки, похожие на смешинки, которых, впрочем, никто, наверное, кроме Жельки, не видел.

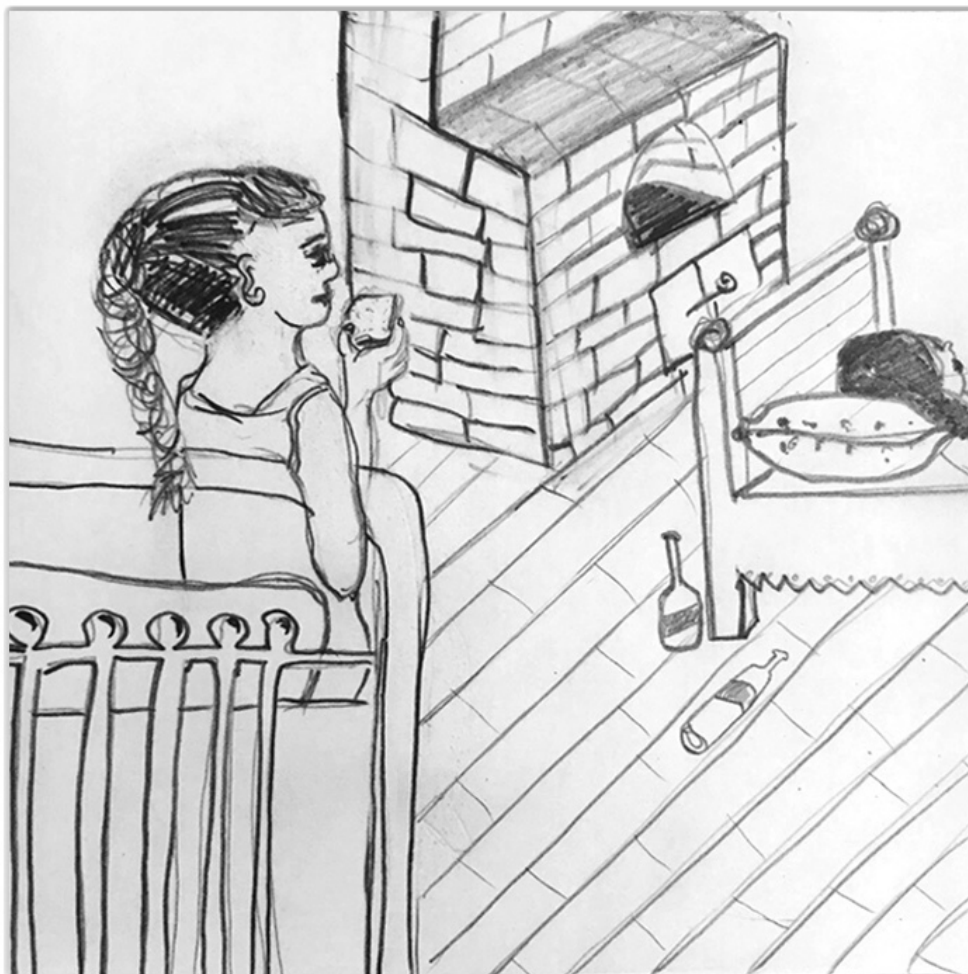
Разговор на школьную и летнюю тему между новыми знакомыми не замолкал.

«Вот такую бы мне маму», – подумалось Жельке. Но родителей не выбирают, своих любишь со всей детской непосредственностью и наивностью. Впоследствии, Римма выйдет замуж и уедет в другой город, но память о ней сохранится в сердце маленькой девочки.

Вечно голодная Желька в одиночестве бродила по железнодорожному поселку, довольно смело, изо дня в день. Мать не любила готовить. Вечером отварная картошка с селедкой или огурцами, в обед иногда суп, сваренный из пакетиков (там еще такая вермишель красивая, в виде звездочек). Карамельки голенькие к чаю (голенькие – без фантиков потому что). Мать покупала кулек таких с зарплаты и аванса и несла домой в авоське. В ней же частенько она приносила бутылочку винца или водочки, завернутую в газету от глаз людских и Желькиных тоже. Сердце у Жельки ухало всегда куда-то вниз, она отчаянно ждала, чем закончится у мамы эпопея с бутылкой.

В один из таких дней мать глотнула из бутылки лишнего и заснула, оставив Жельку один на один с мрачными мыслями. Было как – то неуютно и захотелось к бабушке, и в животе урчало от голода.

«А вдруг мама не проснется?» – подумала Желька, грызя хлебный сухарь-обломок, найденный на столе и посыпанный предварительно солью. Надо было разыскать родственников и спросить у них, что делать в этом случае.



Желька шла минут пятнадцать по поселку в сторону дома своих родственников и увидела в огороде своячницу тетю Паню. Это жена старшего сына дяди Сережи из Москвы. Маленькая симпатичная чернявая женщина нравилась Жельке своей простотой и обаянием, а с их дочерью Аленкой они подружились еще в прошлую встречу. Тетя Паня с мамой были подругами и, втихаря ото всех покуривали иногда где-нибудь за сараями.

Желька давно поняла, что взрослые, как и дети, любят многое скрывать и утаивать друг от друга. Нужно просто осторожно себя вести, чтобы не заметили и не вскрыли какие-то недостатки, и грехи не выплыли наружу.

Родственники не особо радовались Жельке и старались показать, что живут они в полном достатке и шоколаде, и все – то у них прекрасно. Никто не говорил, что сыновья бабушкиного

брата со своими женами тоже любили выпить и даже злоупотребить. От этого были ссоры и скандалы в семьях.

Тете Пани Желька доверяла и попросила ее с Аленкой пойти проверить мать. Скоро они втроем уже шагали к дому. С матерью все было в порядке, по крайней мере, пока. Она спала и не ведала о Желькиных терзаниях и переживаниях. Ведь по большей части люди живут для себя, и зачем им думать и заботиться о других. У них ведь все замечательно!

А завтра придет бабушка и заберет Жельку в деревню. Там спокойнее и сытнее.

Сить

Все-таки позже начинаешь ценить вовремя кем-то сказанные слова, и, хотя, это только слова, они помогают жить и бороться за жизнь дальше.

На окраине деревни чернел старыми, побитыми дождями бревнами, одинокий задумчивый дом. Дальше только одни соседи – пожилая врачиха с мужем, и за их домом река Сить. Над рекою мост, под которым она струится, как будто быстрее, по острым гладким камушкам и выплескивается за мостом на простор, где гораздо шире и привольнее бежать воде чистой.

В этом месте, у моста, водились раки, под камнями, между сваями, на которых он держался в воде.

Жельку разбудил бабушкин голос, звучащий громко, как будильник на старом комод, покрытом вышитой льняной светлой салфеткой. Бабушка ждала сегодня Желькиного крестного Лёшу, который учился в 10 классе городской школы. Он должен был приехать со своей родной сестрой к ним в гости и по делу. Ребята обещали присмотреть за Желькой и прабабушкой Дуней, когда бабуля уедет на курсы учителей в областной центр. Вечером она уезжала, и теперь, собирая вещи в сумку, была в приподнятом настроении, но нервном состоянии.

«Желя, слушайся Лешу и Надю, присматривайте за слепой прабабушкой, кормите ее, не убегай далеко от дома, и я привезу вам подарки,» – приговаривала бабушка, понимая, что оставляет внучку с бабкой на не вполне разумных подростков-племянников.

«Да, ба, буду слушаться, и бабу Дуню покорим,» – отвечала загрузившая Желька, – привези мне не цветочек Аленький, а гитару!»

«Какая гитара? Мала ты еще для гитары!» – возмутилась бабуля.

Будет у Жельки позднее гитара, уже в классе пятом, подарит ей свою тот же Леша – крестный, когда придет из армии. Он вступит во взрослую рабочую жизнь, и гитара ему будет за ненужность.

А Сить уходила все дальше и дальше, перекатывалась зигзагами от деревни к другой деревне, замедляла ход своего течения где-то в поле. Там она была более спокойна и не так своенравна, как при спуске с горы в овраг. Несла свои воды с разной живностью и рыбехой неизвестно куда, наверное, к самому синему морю.

«Идут! Идут!» – закричала Желька, увидев гостей издалека.

Лешка приближался, как ураган, и его кудрявую голову сложно было не заметить. Надя семенила за ним следом.

«Как выросла моя маленькая принцесса Желька – сопелька!» – воскликнул он и, схватив Жельку под мышки, подкинул в воздух.

«Ай, пусти, дурень, я уже взрослая!» – запротестовала девчонка. Надя только тихонько охала рядом, как это делала ее бабка Наталья.

«Леш, а мы на речку пойдем?» – зашептала Желька.

«Ну, конечно, как только Кока уедет, и пойдем, только Надьке не говори ничего,» – ответил, подмигнув, Лешка.

Перед отъездом бабушка показала детям шкафчики с продуктами и купила по кульку пряников и печенья. Печенье было шоколадно-кофейное, как любила Желька. Ребята высыпали все на стол и разделили на 4 равные кучки. Им троим и прабабушке Дуне. Каждый спрятал свою кучку у себя. Леша с Желькой подсмотрели, куда Надька заныкала свои печеньюшки, потом Лешка таскал у нее помаленьку, а позднее, они с Желькой свалили пропажу на кота – бесстыжего. Ох, и досталось коту! А Надька плакала горькими слезами, искоса поглядывая на Лёшку.

«Лёш, она наябедничает на нас бабушке,» – сказала Желька.

«Мы ее задобрим, вот увидишь, Желька,» – ответил Леша.

Вечером в траве, у кучи дров, Леша нашел маленького ежика, которого они подарили Надьке. Та, довольная, поила ежика молоком из блюдечка и плакать перестала.

«Рано утром тихо уходим на рыбалку», – сказал Леша. И поутру они пропали из дома, оставив Надьку со слепой бабой Дуней.

От того ли, что так ласково светило солнышко, и капельки росы на траве сияли, как бриллианты в ожерелье, либо от предвкушения удачной ловли рыбы и ощущения, что ее взяли на взрослое дело, Жельке было радостно и легко. Она уже видела в мечтах, что вытаскивает на удочку из реки шуку примерно длиной с руку, а Леша удивляется, хвалит ее, и потом они все вместе лакомятся добычей.

Иногда Желька представляла себя Динкой из повести Осеевой «Динка прощается с детством». А когда так и героиней из повести «Тимур и его команда» А.П.Гайдара. Конечно же, в Лешке Семенчике – герое ее романа, она видела благородного, смелого и решительного вожака Тимура.

«А-а-а-а!» – прокричав, Желька сбежала босиком под мост над Ситью. Ей до чертиков хотелось в воде, возле камней, увидеть раков, которые заволаживали маленькую девочку своими страшными и опасными клешнями. Ведь, когда ловишь рака, надо обязательно брать его за спинку, чтобы он не вцепился тебе в руку клешней.

«Желька, идем скорее, иначе клев прощелкаем!» – позвал Лешка, и они отправились дальше в тихое местечко, где есть омут, и вода в реке приличной глубины.

Сить изгибалась своим течением, опоясывала поле, уходя все дальше и дальше, встречая по дороге деревеньки и хутора. Леша остановился на крутом берегу, под которым темнел небольшой тихий омут. Течение здесь было слабым, и на глубине наверняка водилась рыба. Ходила легенда, что когда – то очень давно здесь утонула старшая сестра Ленки Минина, взрослого уже парня. И с той поры люди робели вблизи этого места. Желькин крестный был неробкого десятка и уже уверенно ломал ствол небольшого деревца, чтобы сделать девчонке удочку. У него-то уже было длинное удилище с собой, которое валялось еще с прошлого лета на чердаке.

«Кока, наверное, очень удивится, если мы наловим много рыбы и засушим ее на чердаке, а потом съедем все вместе,» – сказал весело Леша. Он приходился Желькиной бабушке крестником и называл ее Кока. За ним повторюшка-Надька тоже так звала родную тетку.

Бабуля действительно страсть как любила вяленую рыбку пососать, так же, как и мозговые косточки обглаживать, когда варили и разбирали их на холодец. Еще она была любительница отварить голову трески в молоке, напечь оладушек и кушать их, обмакивая в это варево.

«Леш, а ты взял что-нибудь из еды?» – спросила Желька, так как в желудке начинало посасывать и урчать после длинной дороги.

«Взял пряники, а домой придем и сварим кашу,» – обнадежил Лешка.

Над омутом весело кружили стрекозы, поплавки удочек словно замерли по стойке «смирно». Солнышко уже начинало припекать, день обещал был жарким.

Не прошло и получаса, а у Лешки поплавок запрыгал, и на натянутой, как тетива, леске, появился вытасенный из воды, крупный красноперый окунь!

«Леша, Леша! Как у тебя это получается?!» – восклицала восторженно Желька.

«Мне бы так! Вот бы бабушка удивилась и похвалила за то, что я такая добытчица» – подумала девочка.

Тихо текла река, высоко в небе парил-царил жаворонок, и Желька начала кемарить и клониться с обрыва вниз.

Бах! – Желька барахтается в воде, цепляясь руками за прибрежную траву и осоку. За спиной омут и глубина, такая заволаживающая и притягивающая к себе. Желька с головой уходит под воду и успевает наглотаться мутной жидкости. Снизу ее подхватывают Лешкины

руки и поднимают высоко к берегу. Лешка сиганул за Желькой следом, как только заметил ее, идущую ко дну.

Берег настолько крут и обрывист, что и взрослому-то сразу не под силу влезть на него.

«Ну, ты, мать, даешь! Напугала меня!» – испуганно дрожит Лешкин голос, – Коке не говори, не то убьет нас и больше не оставит ни за что вместе! Клянись!» – приказывает мальчишка.

«Да, Леш, не скажу, а то она надерет мне задницу, чтобы не бегала на речку без спроса,» – заикается от пережитого страха Желька. Они молча сматывают удочки и идут мокрые домой, кое-как отжав одежду в кустах и надев все влажное снова на себя.

«Надьке ни слова! Она ябеда! Все расскажет Коке!» – произносит Лешка строго.

«Да, знаю я, знаю» – бормочет перепуганная Желька.

Вдали, в перелеске, весело кукует неутомная кукушка. Сить как – будто замерла и присмирела, виновато шурша камышом, огибая его острые листья своим течением. Задумчиво перебегают струи её от кустика, возвышающегося где – то над водой, к кувшинкам, раскинувшимся на воде, как спасательные круги, зеленея округлыми листочками с белыми бутонами цветов на длинных мясистых стеблях.

Не смогла Сить в этот раз забрать жизнь девчоночью, а вот сохранить и умножить жизнь обитателей своих вполне способна. За это и благодарна ей природа всего окружающего мира!

Трагедия

Их увозят летом на месяц в город. Их – это Жельку и старенькую слепую бабулю Дуню. Бабушке опять надо на курсы в область, и она отправляет малого и старого в семью младшего брата Николая погостить. Пожалуй, что в гости с удовольствием их ждет только Лешка.

Тетка Дуся будет опять охать и ахать, что лишние рты понаехали, вернее, будет всем своим видом это показывать, хотя бы вначале. Собрав кое-что из одежды в сшитые полотняные сумки, взяв запасные Желькины сандалии, бабушка грузит путешественниц в попутную грузовую машину и призывает Жельку слушаться старших и помогать слепой бабе Дуне во всем. Жельке вроде, как и весело ехать в кабине грузовика и смотреть на дорогу и прилегающие к ней окрестности, а вроде, как и грустно, что ехать приходится со слепой бабулей, не очень-то интересно. Но, так как в жизни бывают разные обстоятельства, значит нужно помогать близким.

«Так хочется с Колей пообщаться и внучатами – Лёшей и Надей, Дуся, поди чай, так и работает в ателье уборщицей, а Желька, не знаешь ли?» – спрашивает бабушка Дуня у правнучки.

«Бабуля, скоро приедем, со всеми пообщаешься и расспросишь» -отвечает ей Желька.

Прабабушка Жельки, когда – то очень давно вышла замуж благополучно за местного ветеринара Петра. Был он добрым и самостоятельным, врачевал коров, лошадей и другую скотинку, не пил, не курил и держал небольшое хозяйство. Родилось у них восемь детей, но ещё в раннем детстве половина из них умерла от кори и скарлатины. Осталось трое мальчиков: Алексей, Сергей и Николай, и девочка Клавдия. Клавдия нянчилась с младшим Николаем и ухаживала за старшими братьями, которые часто убегали гулять, оставив её с младшим братишкой. Дед Пётр рано умер от сердечной недостаточности, а бабуля Дуня, работая школьной техничкой, вырастила одна детей и совсем ослепла. Вовремя не прооперировали её, поэтому один глаз у неё вытек совсем, а на другом образовалось бельмо, и видеть им она не могла. Ухаживать за бабой Дуней пришлось единственной дочери Клавдии. Старший сын Алексей в звании лейтенанта пропал в первые дни Великой Отечественной войны на границе в Белоруссии без вести. Остались после него сынок Алёшенька и жена Евдокия, проживавшие давно в Ленинграде другой семьёй. Сыновья Сергей и Николай жили своими семьями, только у Клавдии жизнь не задалась с пьяницей – мужем Тимошей, от которого она сбежала, схватив быстрее в охапку грудную дочь, слепую мать и брата-подростка Николая.

Клавдия, будучи школьным учителем, часто засиживалась до ночи с планами и тетрадями, а слепой старушке это не нравилось, она ворчала и переживала о здоровье родственников. После того, как Люда привезла маленькую Жельку к ним на воспитание, баба Дуня героически оставалась с ней в няньках, когда Клавдия уходила на работу в школу и терпела стоически все выходки озорной шкодницы – правнучки. Та могла наложить где-нибудь в углу комнаты ароматно пахнущую кучку, а слепая бабуля по запаху, наощупь, убирала за ней, пачкаясь и ругаясь на чём свет стоит. Желька, повзрослев, уже не помнила всего и только весело хохотала, слушая рассказы о своих младенческих проказах!

Машина подъехала к деревянному, двухэтажному дому, окрашенному в зеленый цвет. На этой тихой улице когда– то построили несколько таких домов. Все они стояли в один ряд, а нужный дом был вторым от дороги. Сбоку дома, в опрятной кирпичной пятиэтажке находились винно-водочный и хлебный магазины. За продуктами ходили дальше, через пару улиц в продмаг «Восход».

Вся улица в это время года утопала в зелени деревьев, во дворах стояли лавки и дощатые столики, за которыми вечерами любили сидеть досужие кумушки, иногда и подвыпившие мужики резались в карты. На натянутых веревках сушилось выстиранное белье, за накидан-

ными на асфальт крошками прыгали воробьи, а окна, с посеревшей от пыли на них, марлей, открывались настежь.

Тетя Дуся очень любила выносить летом во двор подушки, одеяла и матрасы, чтобы просушить их, прогреть на солнце, выколотить пыль, освежить на воздухе.

Машина подъехала к одному из двух подъездов, и Желька помогла бабуле из нее выйти. Взяв слепую старушку под руку, Желька осторожно завела ее в подъезд и помогла забраться вверх по ступеням.

«Бабушка, пОрОг, пОрОг!» – предостерегающе кричала она, сильно окая.

Все это услышали Лешка с Надькой, выбежали встречать их и, передразнивая смущенную Жельку, захохотали: «Бабушка, пОрОг, пОрОг!»

«Давайте, не стесняйтесь, проходите сюда. Вот бабушкино спальное место. А ты, Желька, будешь спать с Надькой», – распорядился Леша.

Наконец, разобрав все котомки и разложив вещи по своим местам, все уселись обедать на кухне.

Как же вкусны тети Дусины щи со свиной! Мм-м, пальчики оближешь! Хорошо разваренное мясо было разделено на небольшие мягкие прядки, и мозговые косточки легко разгрызались молодыми зубами.

Было воскресенье, и тетя Дуся с дядей Колей выпили за обедом по стопке водки в честь приезда родственников. С собой Желька с бабулей привезли сумку с банками прошлогоднего варенья и огурцов. Квасить капусту бабушка не умела, крошево, постояв в банке, становилось мягким и невкусным. Зато грибочки соленые получались отменные: черные грузди, волнушки, серушки и гладушки. Полный комплект! Весело хрустели они на зубах, заправленные сметанкой и лучком.

После обеда Желька с Лешей идут в гаражи, за ними цепляется Надька. Надька – нытик. Как только что-то не по ней – сразу в слезы и ябедничать бежит взрослым.

Скинув с ворот гаража амбарный замок, Леша распахивает его дверь настежь.

Ух ты! Бо-гат-ство! На стенах внутри гаража, на гвоздях, висят велосипеды и санки, и стоит новенький мотоцикл Минск, который куплен Леше за хорошую учебу в старших классах.

Велик для Жельки великоват. Этот взрослый велосипед с рамой и высоким седлом только для Лешкиных ног, ну, еще дядя Коля ездит на нем на огороды.

Сюда же приходит соседка Любочка, вечно смеющаяся и любящая подковырнуть.

«Баба, пОрОг, пОрОг!» – смеется она над Желькой. Ей, как и Надьке, лет 13-14, одноклассницы они.

Любка везде свой нос сунет, она любопытная и видела, что к соседям приехали гости. И еще, Жельке кажется, что к Лешке она неровно дышит, а Лешка у них парень видный: красивый, смуглый, и волосы кудрявые, шапкой. Откуда только взялись такие? В бабку Наталью, тети Дусину мать – все так говорили!

Лешка все – таки интеллигентный и больше в породу Желькиной родни. А Надька, та вечно раззявит рот и шамкает что-то: «поевши, попивши и т.д.». Деревенщина!

Как – то играли они в прятки дома, и залезли Лешка с Желькой на огромный шкаф в спальне, взяв с собой банку с водой. Предварительно Надьке надели повязку темную на глаза и раскрутили ее как следует. Закружилось все в Надькиной голове, и пошла она, раскинув в разные стороны руки, искать баловников. Обыскав большую комнату, Надька вошла в спальню. Тут ее и застал холодный душ из банки, которую опрокинули на нее Желька с Лешкой.

Досталось им потом от тети Дуси, а Надька весь вечер не разговаривала с ними.

Чтобы помириться с Надькой пришлось пойти на разные хитрости и напугать в эту же банку, закрыв ее крышкой. Это сделал Лешка, и, когда сестра немного отошла, сказал ей, что в банке под крышкой хранится их с Желькой секрет. Если она откроет крышку и поднесет банку

к носу, то увидит волшебство. Надька уже не особо доверяла брату, но видя, что банка пуста, открыла крышку и поднесла к носу. Резкий запах шибанул ей в нос!

«ААААААА! – заорала она! – Мама, они издеваются надо мной опять!»

«А мы ничего не делали плохого, подумаешь, улитку ей в банке показали», – сказал хитрый Лешка.

Тетка пообещала наказать всех, и ребята присмирели и сели играть в карты, в «Дурака», а потом в «Пьяницу». На всю жизнь Желька наигралась в гостях не в один свой приезд к ним. Зато потом играть в карты девочке не хотелось, и она чаще всего отказывалась. К следующим выходным за Надькой приехал ее дядя Петя и увез к бабушке в гости, в деревню Покров.

Лешка на велосипеде уехал к другу на дачу за город, и Желька осталась со взрослыми одна и заскучала. Ночью ей приснилось, как они с Лешкой поливают Надю водой и проснулась от того, что впервые в жизни напрудила в постель.

Утром, подойдя стыдливо к тетке, и рассказав обо всем честно, Желька услышала в ответ: «Что ж со всеми бывает!» Но к ее стыду дело этим не закончилось, так как всю постель тетя Дуся вынесла на улицу сушиться, и соседи, сидевшие летом на лавочке, увидели обгаженное во всей красе!

«Теперь хоть на улицу не выходи!» – подумала девочка и ушла гулять за гаражи.

Там на трехколесном большом велосипеде гонял ее ровесник Игорь из второго подъезда. Подружившись с ним, поиграв в мячик и постреляв из рогатки по мишеням, Желька вернулась к ужину и стала проситься у тети Дуси с Игорем и его папой на завтра с утра на их дачу, чтобы искупаться там на речке.

Ни в какую, не согласившись с Желькой, мотивируя тем, что в гостях воля не своя, тетка не пустила девчонку за город с соседями. И, в общем-то, к лучшему, что не пустила. Правильно и сделала.

На следующий вечер Лешка приехал на велосипеде с дач, и сказал, что соседи: маленький Игорек и его отец утонули в Мологе. Их ищут по всей реке, а мать и сестра в шоке. Соседей нашли на третий день затынутыми в воронку, образовавшуюся от бомб, сброшенных вражескими самолетами во время войны. Видимо, отец, взяв Игорька к себе на плечи, не рассчитал сил и был затынут сильным течением в эту воронку. На улице играл похоронный оркестр, обе в черном одеянии стояли мать и взрослая уже дочь. Мужчины вынесли гробы, и Желька зажмурила глаза.

«Неужели это все?! Жизнь Игорька на земле уже закончилась, и он не сядет на свой красивый трехколесный велосипед. Повезло мне!» – подумала она.

Ингус

Этого пса обожали все в округе! Восточно-европейский овчар, гладкий и упитанный, будто сошедший с рекламной картинки, с довольной улыбастой и приветливой мордой лез ко всем доверчиво ласкаться, как молодой нежный телок, и, казалось, что любит он весь род человеческий! Только вот люди не всегда и не все ласковые и отзывчивые на людскую и собачью боль и радость.

Привезли его малышом ещё из питомника, и стал он вторым по счёту Ингусом у Желькиной соседки и подруги бабушки – Клары Александровны. Пёс с детства был обласкан и всегда сыт, хоть хозяйка и старалась кормить пса по режиму собачьему, все лучшие и лакомые кусочки доставались ему чаще всего. Добросердечный и мягкий по характеру пёс не мог или не умел кусать никого. Взрослый сын соседки иногда занимался с ним дрессировкой, бегал на прогулки и пытался строжить его. Ингус знал несколько довольно простых команд: «Сидеть!», «Лежать!», «Служить!». Желькиному счастью не было предела, когда ей разрешалось выгулять пса. Схватившись крепко за поводок, Желька весело бежала с Ингусом по улице и забывала обо всём на свете, посвятив себя полностью в эти моменты псу. Они любили валяться в траве среди клевера и одуванчиков, и каких-то там «кашек», которые лезли щенку в нос, и он смешно начинал чихать тогда и растирать нос большущими своими лапами. Желька прислонялась губами к уху пса и шептала прямо в него горячо и быстро, выдавая ему все свои маленькие девичьи тайны. Пёс внимательно слушал, легонько помахивая хвостом, и всем своим видом показывал: «Я с тобой! И вместе мы банда!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.